

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

ЖАНРЫ СТИХОТВОРНОЙ ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Г. АРХАНГЕЛЬСКОГО И А.А. ИВАНОВА

Л.Д. Галкин, А.Э. Скворцов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению творческих методов двух крупнейших русских поэтов-сатириков XX в. – А.Г. Архангельского и А.А. Иванова. Их литературное наследие рассматривалось исследователями по отдельности и не в полном объёме, сравнение же авторов проводится впервые. Оба сатирика сделали немало для эволюции жанров стихотворной пародии и эпиграммы. Развитие этих жанров в русской литературе первой половины XX в. во многом шло под знаком деятельности Архангельского, а второй – Иванова. Архангельский считается основателем жанров пародии и эпиграммы в литературе советского периода. Иванова нельзя назвать его прямым последователем, но он занял вакантное место главного стихотворца пародического направления в поздней советской литературе.

Творческие стратегии А.Г. Архангельского и А.А. Иванова были различны. Архангельский писал пародии и эпиграммы либо на бесспорно значительных, либо на широко известных авторов. В противоположность ему Иванов был готов к пародированию любого поэта, как знаменитого, так и безвестного, если в его стихотворении он обнаруживал неудачные строки, выражения или образы. Многие из адресатов Иванова стали известны на всю страну только в связи с тем, что их строки произносились сатириком в популярной телепередаче «Вокруг смеха» в качестве пародийного объекта.

Архангельский исходил в своих произведениях из классических представлений о системе жанров и свою задачу видел в постижении художественного мира высмеиваемого автора. И великие, и третьеразрядные литераторы подвергались им ёмкому и остроумному анализу. Таким образом, в пародиях и эпиграммах Архангельский фактически реализовывал литературоведческий, филологический подход к материалу.

Иванов, сформировавшийся уже в советскую эпоху, когда многие достижения предшествующего периода отечественной культуры были забыты или отвергнуты, видел свою главную задачу в противостоянии невежеству, эпигонству, пошлости и бесцеремонности с классикой. Такой подход следовало бы квалифицировать как охранительно-просвещенческий. Эпиграммы и пародии Иванова являлись не только литературными жестами, они выполняли и дидактические функции. Единственным мерилем нормы и вкуса при таком отношении к материалу по умолчанию становились индивидуальные литературные взгляды пародиста, поэтому не всегда ему удавалось найти баланс между комикованием и морализаторством.

Ключевые слова: А.Г. Архангельский, А.А. Иванов, жанр, пародия, эпиграмма, стиль

Александр Григорьевич Архангельский (1889–1938) и Александр Александрович Иванов (1936–1996) – русские поэты-сатирики, преимущественно работавшие в жанрах стихотворной пародии и эпиграммы. Несмотря на то что к пародии и эпиграмме прибегали многие известные авторы XX в., среди которых в первую очередь следует упомянуть А.А. Измайлова, Е. Венского, Арга, С.Я. Маршака, В.А. Лифшица, Ю.Д. Левитанского, Л.А. Филатова, лишь единицам из них удалось достичь славы и остаться в истории литературы исключительно своими сатирическими текстами.

Не будет большим преувеличением сказать, что развитие названных жанров в первой половине XX в. во многом шло под знаком литературной деятельности Архангельского, а во второй – Иванова. Их влияние на развитие пародии и эпиграммы бесспорно, хотя и не вполне осмыслено литературоведением. Так, не сопоставлены их сатирические методы, отчётливо различные. Этому сопоставлению и посвящена данная работа.

Жанр пародии в русской литературе XX в. берёт начало из образцов аналогичного жанра рубежа XVIII – XIX вв. Классическая отечественная пародия достигает своего расцвета в эпоху так называемого золотого века, когда авторы активно осваивали и применяли к русским реалиям западноевропейские традиции, формы, мотивы и образы [1].

В XIX – XX вв. эпиграмма – это короткое сатирическое стихотворение, откликающееся на злободневную тему, зачастую с активным использованием каламбуров. Для эпиграмм подобного вида обязательным элементом семантической конструкции становится пуант¹ – многозначное слово, заключительная фраза или часть фразы, шутки или загадки, эффектно завершающие стихотворение. Изначально, в эпоху античности, эпиграммой считалось вообще всякое афористически краткое стихотворение, даже не несущее в себе сатирического заряда. Однако для русской поэзии нового и новейшего времени стихотворная эпиграмма в подавляющем большинстве случаев подразумевает сатирическое обращение к какому-либо объекту, а чаще – субъекту.

В раннюю советскую эпоху наиболее яркой фигурой в жанре пародии и эпиграммы был А.Г. Архангельский. Эпитет «Александр Первый» [2, с. 13–14] справедливо подчёркивает роль Архангельского как основателя жанров пародии и эпиграммы в литературе советского периода. Действительно, художественный уровень произведений Архангельского много выше, нежели у большинства его последователей, при этом пародист старался следовать традициям жанра, существовавшим в прошлом.

Е.В. Степанов, подытоживая взгляды исследователей на пародию советского периода, отмечает, что пародисты советской эпохи «рассматривали пародию как форму литературной критики – они гротескно высмеивали ту или иную несуразную строчку поэта, обыгрывали не стиль, но шероховатости литературного языка автора» [3, с. 192]. В частности, В.И. Новиков писал: «Пародия – это по преимуществу форма литературной критики, что в советских условиях не раз оборачивалось догматической “проработкой” вольнодумных и “неуправляемых” писателей» (цит. по [3, с. 192], см. также [4]). Имеет смысл

¹ От фр. *pointe* – острière, острота (<http://poetique.academic.ru/446>).

уточнить и развить идеи Новикова и Степанова: умелый пародист отнюдь не всегда выступал в качестве инструмента официальной литературы – зачастую и наоборот, авторы официоза оказывались объектами острого критического пера, как это бывало с сочинениями Архангельского.

Помимо собственно работы пародиста (подчёркивание особенностей и недостатков творческой манеры литераторов), Архангельский демонстрировал и необычайную историко-культурную прозорливость: иной раз ему удавалось предугадать судьбы писателей и поэтов. Все замечания Архангельского по отношению к критикуемым представляются оправданными и справедливыми. И хотя в его пародиях и эпиграммах нередко используется комический эффект, этот комизм не выражение субъективного отношения пародиста к своему объекту. Его эпиграммы и пародии в большинстве доброжелательны, они нацелены на выявление явных изъянов в произведении и не сводятся к констатации язвительного недовольства пародиста самим автором, как это позднее наблюдается у младшего коллеги Архангельского – А.А. Иванова.

Стихотворная пародия Архангельского – не столько строго сатирическое высмеивание пародируемого сюжета, сколько стилизация, иногда почти лишённая внешнего комизма. Примером тому служат пародии на Маяковского, где пародист общается с читателем фактически посредством языка и стиля поэта. Порой складывается ощущение, что перед нами сам автор «Облака в штанах», а не пародист. Однако при внимательном прочтении произведений можно убедиться в том, что это всё же пародия: Архангельский создаёт ролевою лирику, «разыгрывает» образ Маяковского перед читателями – и такой приём сам по себе становится комичным, позволяющим глубоко проникнуть в художественный мир оригинального творца:

Пропёр океаном.
Приехал.
Стоп!
Открыл Америку
в Нью-Йорке
на крыше.
Сверху смотрю –
это ж наш Конотоп!
Только в тысячу раз
шире и выше.
Городишко,
конечно,
Москвы хужей.
Нет Госиздата –
всё банки да баночки.
Дома,
доложу вам,
по сто этажей.
Танцуют
фокстрот
американочки.
А мне
на них
свысока

наплевать.
 Известное дело – буржуйская лавочка.
 Плюну раз – мамочка-мать!
 Плюну другой – мать моя, мамочка! (А., с. 98–99).

В пародиях на Маяковского используется принцип построения стихов «лесенкой», один из наиболее заметных формальных атрибутов его поэзии. Но «лесенка» у Архангельского, как и все высмеиваемые приёмы, гиперболизирована: пародист намекает на то, что у Маяковского её ступенькой может стать практически любое слово. Обращение к такому приёму встречается в пародиях «Москва – Мадрид» и «Разговор с Пушкиным». В последнем тексте, пародирующем стихотворение Маяковского «Юбилейное», Архангельский обратил внимание на то, что в 20-е годы XX в. поэтам платили построчно, соответственно, Маяковский «лесенкой» увеличивал свой гонорар.

Архангельский часто обращается в пародиях и эпиграммах к фактам литературного быта своих героев:

У Инбер – детское сопрано,
 Уютный жест.
 Но эта хрупкая Диана
 И тигра съест (А., с. 259).

В другом случае, в эпиграмме на И. Бабеля, Архангельский смешно и точно выразил суть читательского недоумения по отношению к одному из наиболее ярких прозаиков двадцатых годов:

Читатель перед сим почтенным ликом,
 Вздыхая, справедливо заключит:
 Сначала Бабель оглушил нас КРИКОМ,
 Ну, а теперь – талантливо молчит (А., с. 233).

Для адекватного восприятия «соли» эпиграмм и пародий Архангельского от читателя требуется обладание определённым набором фоновых знаний (в данном случае необходимо как минимум знание имени и фамилии героя «Одесских рассказов» – Беня Крик). Следует ориентироваться в творчестве автора, являющегося объектом критики, знать факты его биографии и иметь представление о литературно-критической ситуации вокруг него. Этим неписаным правилом Архангельский руководствуется в большинстве случаев. В то же время у него есть эпиграммы и пародии, хотя и в утрированном виде, воспроизводящие стилистику того или иного автора настолько узнаваемо, что они становятся самостоятельными сочинениями. В некоторых случаях такие убийственно точные опусы Архангельского фактически заменяют оригинал, и в нём отпадает необходимость. Это происходит в случае эпизодического обращения пародиста к авторам не первого ряда. Здесь показательна пародия на русский гекзаметр П. Радимова, оставшегося в истории поэзии едва ли не благодаря блистательному бурлеску Архангельского «Сморкание»:

Ныне, о муза, воспой иерея – отца Иполита,
 Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.

Утром, восставши от сна, попадью на перине покинув,
 На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.
 Правую руку подняв, растопыривши веером пальцы,
 Нос волосатый зажмёт, голову набок склонив,
 Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши цезуру,
 Правой ноздрёю свистит, левую руку подняв.
 Далее под носом он указательным пальцем проводит.
 Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
 Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
 Бык заревел, и в гробу перевернулся Гомер (А., с. 156).

Поднимал Архангельский и столь болезненные для писателей вопросы, как проблематичность художественного своеобразия того или иного автора. Например, в эпиграмме на В. Катаева подчёркивается его стилистическое эпигонство:

В портрете – манера крутая,
 Не стиль, а сплошной гоголь-моголь:
 Посмотришь анфас – В. Катаев,
 А в профиль посмотришь – Н. Гоголь! (А., с. 265).

Особого внимания заслуживает высококвалифицированная пародия Архангельского на Б. Пастернака «Сроки». Здесь пародисту удалось предугадать творческую судьбу Пастернака и предвидеть этапы его художественной эволюции, идущей от темнот ранней метафорики к «неслыханной простоте» поздних стихов (Архангельскому не суждено было прочесть их):

Скажу как на духу,
 К тугому уху свесясь,
 Что к внятному стиху
 Приду лет через десять.
 Не буду бить в набат,
 Не поглядевши в святцы,
 Куда ведёт судьба,
 Пойму лет через двадцать.
 И под конец, узнав,
 Что я уже не в шорах,
 Я сдамся тем, кто прав,
 Лет, видно, через сорок (А., с. 152–153).

Архангельский обычно писал пародии и эпиграммы либо на бесспорно значительных, либо на широко известных авторов. В противоположность ему Иванов был готов к пародированию любого поэта, как знаменитого, так и безвестного, если в его стихотворении он обнаруживал отдельную неудачную строфу (строку или выражение). Многие из адресатов Иванова «прославились» (точнее, ославились) на всю страну только в связи с тем, что их строки произносились Ивановым в популярной телепередаче «Вокруг смеха» в качестве пародийного объекта.

Произведениям А.А. Иванова обычно предпослан эпиграф из избранного им автора. Оттолкнувшись от этих строк, пародист «терзает» свою жертву. Его пародии отличаются стилистической резкостью (жёсткий гротеск, абсурдизация стиля критикуемого, подчёркивание его литературного невежества и т. д.) и обилием инвектив. В большинстве пародий Иванова первая строфа эпиграмматична,

последняя представляет собой вывод, мораль, едва ли не литературный приговор. Заметим, что автору по-настоящему удаются сравнительно короткие пародии. Например, в пародии «Писание и дыхание» Иванов явно увлёкся продолжением строк Николая Доризо:

Не писал стихов и не пишу, –
Ими я, как воздухом, дышу (И., с. 75).

Он советует тому: «от стола подальше уберись», «выброси к чертям карандаши», «порежь на кухне лук», «почини утюг», «в оперетту вечером пойди», «вымой пол», «прими холодный душ», «почитай на сон грядущий Чушь» и прочее (И., с. 75). Представляется, чтобы показать своё отношение к автору, достаточно было ограничиться первыми двумя строками:

Не писал стихов и не пиши!
Лучше погуляй и подыши (И., с. 75).

Данные строки можно назвать эпиграммой, и они дают убедительный ответ критически настроенного читателя претенциозному автору.

По сути дела, пародии такого типа следует считать эпиграммой, подвергшейся амплификации. В пародии неуместно обращение к высмеиваемому, в ней можно посмеиваться над ним путём пародирования его отдельных строк или стиля в целом. Апелляции к самому автору в большей степени характерны для эпиграмм. Иванов фактически смешивает жанры, называя подобные тексты пародией, хотя они не подпадают под типичное определение пародии как произведения искусства, утрирующего характерные черты другого, часто широко известного произведения или группы произведений определённого автора, жанра или стиля преимущественно ради создания комического эффекта (о сложности явления пародии в целом см. [5, с. 284–310]).

Одна из наиболее удачных пародий Иванова – на Майю Борисову, где он продолжает четыре строчки поэтессы, взятые в качестве эпиграфа:

Мой друг, вас нет в моих стихах,
и это очень странно:
ведь между нами было – ах! –
подобие романа (И2, с. 55).

При прочтении последующих строк складывается ощущение, что это стихотворение самой М. Борисовой. Далее по ходу развития сюжета комизм и ирония постепенно нарастают, и в финале складывается цельная законченная картина:

И вот пишу, скрывая вздох,
не радуясь нисколько:
была, была меж нами – ох! –
пародия – и только (И2, с. 55).

Наряду с подобными убедительными примерами пародий Иванова среди них встречаются и неудачные, как в плане использования тропов, синтаксических, стилистических средств, так и в плане сюжета (см. [6, с. 40; 7, с. 219–220; 8, с. 126]). Одним из таких сочинений, на наш взгляд, является пародия на Новеллу Матвееву «Ода всякой всячине». Иванов утрирует вырванную из контекста строку поэтессы: «*Всё едино?*» Нет, не всё едино, которая в новом окружении действительно начинает выглядеть нелепо. Сохраняя в качестве рефрена *Всё*

едино? Нет, не всё едино, Иванов сравнивает предметы, явно непохожие друг на друга. Пародия завершается четверостишием, которое можно воспринять как мораль или эпиграмму:

Всё едино? Нет, не всё едино.
Мне сказали: что за чертовщина?
Шпроты в масле не ребёнок в люльке,
Быть поэтом – не играть в бирюльки... (И2, с. 61).

Иванов пеняет Матвеевой на то, что она, обращаясь к взрослому читателю, зачастую немотивированно использует приёмы детской поэзии. Стоит, впрочем, подчеркнуть, что Иванов по своему обыкновению спародировал далеко не лучшее стихотворение, безусловно, талантливого автора.

Многие эпиграммы младшего коллеги Архангельского нельзя назвать эпиграммой как таковой. По своей сути классическая эпиграмма в краткой форме высмеивает какое-либо лицо или содержит отклик на злободневные события общественной жизни, а у Иванова в большинстве эпиграмм мы не найдём ничего высмеивающего, они, скорее, представляют собой дружеские шаржи. В них можно увидеть противопоставление реального объекта запоминающейся маске (образу) этого объекта. Задача таких эпиграмм не обличить, а показать многогранность творческой личности объекта эпиграммы.

Подводя итоги, скажем, что оба поэта-сатирика вдохнули новую жизнь в жанры пародии и эпиграммы в русской литературе. Каждый из них по-своему выражал отношение к тому или иному автору, его произведению, к стилю, но оставался верен избранной литературной манере на протяжении своего творчества, чётко представляя себе объект пародии, зная многое о пародируемом, о его жизни и произведениях в целом. При этом творческие стратегии А.Г. Архангельского и А.А. Иванова были различны.

Первый, воспитанник эпохи модернизма, прошедший серьёзную версификационную школу, исходил в своих произведениях из классически строгих представлений о системе жанров и свою задачу видел прежде всего в постижении художественного мира высмеиваемого автора. Вне зависимости от литературного «веса» и великие, и третьеразрядные литераторы подвергались им ёмкому и остроумному анализу. Таким образом, в пародиях и эпиграммах Архангельский, по сути, реализовывал литературоведческий, филологический подход к материалу.

Второй, сформировавшийся уже в советскую эпоху, когда многие достижения предшествующего периода отечественной культуры были забыты или отвергнуты, видел свою главную задачу в противостоянии невежеству, эпигонству, пошлости и фамильярности с классикой. Такой подход следовало бы квалифицировать как охранительно-просвещенческий. Эпиграммы и пародии Иванова являлись не только – а иногда и не столько – сугубо литературными жемчужинами, они выполняли и дидактические функции. Единственным мерилем нормы и вкуса при отношении к материалу по умолчанию становились индивидуальные литературные взгляды пародиста – и неудивительно, что баланс между комикованием и морализаторством ему удавалось найти не всегда.

Источники

А. – *Архангельский А.Г.* Пародии. Эпиграммы. – М.: Худож. лит., 1988. – 349 с.

- И. – *Иванов А.А.* С Пушкиным на дружеской ноге. – Л.: Лениздат, 1981. – 128 с.
 И2 – *Иванов А.А.* Реплики в сборе: Лит. пародии. – М.: Сов. писатель, 1989. – 160 с.

Литература

1. *Добрицын А.А.* Вечный жанр. Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII – начала XIX века. – Bern: Peter Lang, 2008. – 561 с.
2. *Пьянов А.С.* Александр Второй // *Иванов А.А.* Антология Сатиры и Юмора России XX века. – М.: Эксмо, 2006. – С. 13–18.
3. *Степанов Е.В.* Жанры и строфы современной русской поэзии: версификационная практика поэтов XX и XXI веков: в 3 т. – М.: Вест-Консалтинг, 2013. – Т. 3. – 234 с.
4. *Новиков В.И.* Книга о пародии. – М.: Сов. писатель, 1989. – 598 с.
5. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
6. *Скворцов А.Э.* Игра в современной русской поэзии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 361 с.
7. *Скворцов А.Э.* «Цыгановы» Давида Самойлова: генезис и семантика // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 2. – С. 215–228.
8. *Скворцов А.Э.* Поэтическая генеалогия: исследования, статьи, эссе и критика. – М.: ОГИ, 2015. – 528 с.

Поступила в редакцию
24.09.15

Галкин Лев Дмитриевич, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *galkin-levaman44@ya.ru*

Скворцов Артём Эдуардович, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *bireli@inbox.ru*

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 199–207

The Genres of Verse Parody and Epigram in the Oeuvre of A.G. Arkhangel'skii and A.A. Ivanov

*L.D. Galkin**, *A.E. Skvortsov***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: **galkin-levaman44@ya.ru*, ***bireli@inbox.ru*

Received September 24, 2015

Abstract

The paper considers comparison of the literary methods of two most prominent Russian satiric poets, A.G. Arkhangel'skii and A.A. Ivanov. Their literary heritage was analyzed by the researches only

separately and not in full. Comparison of the authors has been done for the first time. Both satirists did a lot for the evolution of the genres of verse parody and epigram. The development of these genres in the first part of the 20th century went under the sign of A.G. Arkhangel'skii, the second part – under the sign of A.A. Ivanov. A.G. Arkhangel'skii is considered to be the founder of the genres of parody and epigram in Soviet literature. A.A. Ivanov cannot be called his direct follower, for he just took the vacant place of a parodist in the late Soviet literature.

The literary strategies of A.G. Arkhangel'skii and A.A. Ivanov were different. A.G. Arkhangel'skii parodied only undoubtedly prominent or widely popular authors. Unlike him, A.A. Ivanov was ready to parody every poet, both famous and unknown if he found that their poems had some failed lines, expressions or images. Many of A.A. Ivanov's addressees became known all over the country only after their lines had been stated by the satirist as an object of parody in the popular TV-show "Vokrug Smekha" (Around the Laughter).

A.G. Arkhangel'skii in his works bore in mind the classical system of genres and thought his goal was to understand the literary-artistic world of the satirized author. Both best and third-best litterateurs became objects of his smart and witty analysis. Therefore, A.G. Arkhangel'skii implemented the philological approach in his parodies and epigrams.

A.A. Ivanov, having developed in the Soviet time when many previous achievements of the native culture had been long forgotten or dismissed, found his main goal in withstanding ignorance, imitation, banality, and playing familiar terms with classics. Such approach should be characterized as guarding and enlightening. The epigrams and parodies of A.A. Ivanov were not mere literary gestures, but also had some didactic functions. The only criterion for both standard and taste was the parodist's individual point of view. Thus, the balance between playing jokes and moralizing was not always observed.

Keywords: A.G. Arkhangel'skii, A.A. Ivanov, genre, parody, epigram, style

Для цитирования: Галкин Л.Д., Скворцов А.Э. Жанры стихотворной пародии и эпиграммы в творчестве А.Г. Архангельского и А.А. Иванова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 199–207.

For citation: Galkin L.D., Skvortsov A.E. The genres of verse parody and epigram in the oeuvre of A.G. Arkhangel'skii and A.A. Ivanov. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 199–207. (In Russian)